

На перекрестке грузинской и русской культур

Представлен концептуальный анализ одной из базовых ценностей русской и грузинской лингвокультур — концепта «хлеб», который входит в круг наиболее рекуррентных аксиологем национальных языковых картин мира. Подчеркнуто, что ценностная картина мира служит телеологическим вектором развития культуры. На уровне дескриптивного очерка в работе установлена корреляция между менталитетом и ценностным уровнем картины мира. Иллюстративным материалом для анализа послужил корпус текстов (словарный, паремиологический, художественный) русского и грузинского языков, в котором репрезентирован концепт «хлеб». Установлены типические схождения и расхождения концептов в познаваемых культурах. Сделан вывод об общности восприятия ценности «хлеб», которое базируется на фундаменте христианской культуры.

Ключевые слова: менталитет, языковая картина мира, диалог культур, русская языковая картина мира, грузинская языковая картина мира, ценность, концепт, «хлеб», «лоза».

This article is devoted to a conceptual analysis of the basic values of Russian and Georgian linguistic cultures — the concept of “bread”, which is included in the repertoire of the most recurrent axiologemes of national language pictures of the world. The authors of the work come to the conclusion that the value picture of the world serves as a teleological vector for the development of culture. At the level of a descriptive essay, the work establishes a correlation between the mentality and the value level of the picture of the world. The corpus of texts (dictionary, paremiological, artistic) of the Russian and Georgian languages, in which the concept of “bread” is represented, served as an illustrative material for the analysis. Typical convergences and divergences of concepts in cognizable cultures are established. The conclusion is made about the common perception of the value of “bread”, which is based on the foundation of Christian culture.

Keywords: mentality, linguistic picture of the world, dialogue of cultures, Russian Worldview, Georgian Worldview, value, concept, “bread”, “vine”.

Введение

Каждый народ бытийствует в определенном жизненном контексте — географическом, культурном, социальном. Мы говорим о «бытийствовании» не случайно: жизнь этнического коллектива есть не просто акт биологического существования, но и перманентное духовно-интеллектуальное осмысление мира и места человека в нем. Человек — существо мыслящее; совокупность тех образов мира, которые формируются в его сознании в процессе освоения и конструирования действительности, рождает тот уникальный *modus vivendi*, который Л. Леви-Брюль в начале XX в. назвал менталитетом. Современная гуманитарная наука, в центре которой находится человек как «мера всех вещей», определяет менталитет как многообразие смыслов и значений, ассоциирующихся с национальной аутентичностью культуры [1. С. 514]. Устойчивый способ мировосприятия, характерный для этноколлектива, «подсказывает» ему определенные алгоритмы реагирования на феномены окружающего мира.

Менталитет порождается не столько особенностями психики, сколько конкретным типом культуры. Будучи исторически детерминированным образованием, он отличается высокой степенью стабильности и поддается трансформации лишь в том случае, если сама культура претерпевает значительные изменения. В процессе приобщения индивида к когнитивной базе этноса, осуществляемого на уровне овладения национальным языком, менталитет становится частью его психики. Это одновременно надиндивидуальный и индивидуальный феномен: каждый человек воспринимает коллективные установки как свои собственные в силу языковой общности, но эти установки настолько глубинны, что их осмысление человеком требует существенных усилий [2. С. 214].

В процессе повседневного общения каждый из нас формирует определенные фрагменты индивидуальной картины мира, «отпечатки» мира реального, преломленные сквозь психические особенности частного восприятия. Эти фрагменты постепенно складываются в некую картину мира, которую коммуникант «несет с собой» и транслирует другим участникам коммуникативного события. Его задача не просто быть понятым и таким образом добиваться коммуникативного

успеха; она в том, чтобы убедить другого посмотреть на обсуждаемое событие через призму его — адресанта — картины мира. Коммуницируя, мы приглашаем участников процесса в собственный когнитивный «заповедник», чтобы разделить с ними *общность восприятия мира*.

Методологические предпосылки

Языковая картина мира, по мысли О.А. Корнилова, есть запечатленное в системе языка видение реальности, включающее в себя логическое осмысление, оценивание и чувствование [3. С. 140]. Язык, как пишет Анна Вежбицкая [4. С. 19], есть инструмент для передачи значения. По мнению ученого, каждый естественный язык включает в себя набор примитивов, которые совпадают во всех языках и потому могут быть отнесены к универсальному набору фундаментальных общечеловеческих концептов [Там же. С. 27]. Если рассматривать его как основу семантической системы языка, то мы увидим, что у межкультурной коммуникации, пусть ограниченной в силу многих факторов, есть потенциал — и практический, и теоретический.

Для того чтобы коммуникативная дистанция между представителями разных культур сократилась, целесообразно говорить о ценностном наполнении ключевых для той или иной культуры концептов. Ценностная картина мира этноса включает в себя, согласно В.И. Карасику, общечеловеческую и специфическую части; при этом специфическая часть этой картины «сводится к различной номинативной плотности объектов и их оценочной квалификации, различной комбинаторике ценностей. В нее также входят наиболее значимые для данной культуры смыслы, культурные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [5. С. 116].

Ориентироваться в «ментальной карте» жизненных ценностей и мотивов, предпочтений и установок, предписаний и табу этноколлективов — важное условие для достижения коммуникативного успеха в русле межкультурного взаимодействия. Неоценимую помощь в этом процессе оказывает представление о ценностях культуры, благодаря которому мы лучше понимаем, каково глубинное, имплицитное наполнение тех или иных универсалий и как этот факт влияет на поведение собеседника — коллективного или частного.

Любая ценность антропогенна, т.е. порождена человеческим сознанием и коллективным воображаемым. Таким образом, ценно то, что признано таковым в той или иной культуре на основе ретранслируемых в ней мифов, разделяемых этническим коллективом. По этому принципу, как полагает Б. Андерсон, и строятся «воображаемые сообщества». Похожее мнение выражает Ной Ю. Харари в книге «Sapiens», называя мифологичность человеческого сознания одним из базовых условий развития вида Homo. «Язык вымысла позволяет человеку не просто отдалиться от игры воображения, а делать это всем коллективом. Мы научились сплести общую для всех мифологию: библейскую историю творения, сказания австралийских аборигенов о предначальных временах, националистические мифы современных государств. Общая мифология наделила сапиенсов небывалой способностью к гибкому сотрудничеству в больших коллективах» [6. С. 3–34].

Каждая культура имеет собственную систему ценностей. Если Ноам Хомский сравнивал язык с ограниченным набором единиц и неограниченными возможностями их использования, то аксиология этноса — конечный репертуар аксиологем с множественной, палимпсестной природой интерпретации, зависящей от того, насколько глубоко исследователь стремится погрузиться в культурные слои аксиологемы. Многозначна уже сама ситуация оценивания того или иного объекта или явления действительности. Ценность — культурная фиксация положительного или отрицательного отношения коллектива к объектам материального и нематериального порядка, которая неизменно основывается на идеальных (эталонных) представлениях об устройстве мира и в результате обретает свое место в аксиологической системе координат либо как ценность (соответствие), либо как антиценность (несоответствие). Ценности всегда включают в себя компонент личной (субъективной) и коллективной значимости. Идеальная ценность есть репре-

зентация триединства: истины, этики и эстетики. На базе изучения аксиологом формируются наши представления об аксиосфере культуры.

Если ценность как предмет есть исторически конкретное, вещественное либо знаковое воплощение аксиологической единицы, то ценность как отношение — это продукт деятельности активности человечества, выражающий отношение Homo sapiens к миру. Истина и ложь, добро и зло, красота и уродство — это ценностные дихотомии человеческого *modus vivendi*. Ценность как идея, инвариант и ценность как воплощение — две формы существования ценности. Любая ценность социально обусловлена. Она формируется в процессе познания и дальнейшего распределения предметов окружающего мира, каждый из которых вовлечен в сферу коллективного бытия и является фактом общественного сознания. Знание этих ценностей необходимо для избежания коммуникативных конфликтов. И даже в том случае, когда мы говорим об универсалиях, при наличии относительно стабильного смыслового ядра у каждого базисного концепта культуры (универсалии) ценностный компонент будет обусловлен языковой средой.

В идеальной форме ценности отражены родовые установки коллектива. Предметно-деятельностная форма ценности направлена на экспликацию этнокультурной специфики. Важно учитывать, что ценностная сетка языковой картины мира влияет на социальное поведение членов этнического коллектива, т.к. с базовыми аксиологемами они соизмеряют свои поступки. Общечеловеческие ценности довольно медленно изменяются во времени, они обладают константным ядром и подвижной внешней оболочкой, которая легко вбирает в себя изменения внешнего мира. Архетипическое в ценности скомбинировано с ксенотипическим. В коллективном сознании ценность имеет идеальную, эталонную природу. В обыденном сознании она становится ориентиром, определяющим индивидуальную жизнедеятельность личности через систему ее целей и мотивов. Будучи образованиями ментального порядка, ценности нуждаются в знаковом овнешнении, кодовой объективации, которая может быть как вербальной, так и невербальной.

На протяжении ряда лет мы участвуем в создании каталога ценностей русской культуры. Проведенные исследования позволили включить в него следующие аксиологические универсалии: «любовь», «семья», «труд», «долг», «здоровье», «достаток», «успех», «образование», «прогресс», «родина». На уровне материально-объектных ценностей всесторонне проанализирован концепт «хлеб».

По мнению Х.-Г. Гадамера, человек в большей степени живет в мире слов, нежели в мире предметов. Этот тезис соответствует гипотезе, согласно которой язык представляет собой не только отражение реальности, но и особую ее интерпретацию. Слово — ключ доступа к феноменам более сложного порядка, которые современные исследователи называют концептами — ментальными сущностями, «квантами смысла», бытующими в нашем индивидуальном и коллективном сознании. Как явление ментально-аффективно-перцепционного порядка, концепты сложно «уловить» и описать. Однако лингвисты предпринимают попытку их номинации, анализа, дескрипции, систематизации, создавая своего рода «конструкты» — вербализованные модели концептов. Закономерно, что главным средством их овнешнения становится язык и его корпусные возможности. Именно на уровне привлечения широкого массива текстов (корпуса) появляется возможность дифференцировать параметрические свойства тех или иных концептов. Как правило, в зоне нашего внимания оказываются концепты, которые можно назвать «ядрами» той или иной культуры, — своего рода константы, базисные элементы, несущие в себе ценностный компонент.

Именно таким константным концептом культуры земледельческого типа выступает концепт «хлеб».

Результаты исследования и их обсуждение

Культура, возникшая на фундаменте родного языка, представляет собой целостный «организм», в котором находят выражение бытийное, рефлексивное и духовное начала стоящей за ним «народной личности» (Н.С. Трубецкой). Поэтому обращение к доминантам сознания/

самосознания, заложенным в слове, раскрывает концептуальную парадигму культуры в целом. Цель настоящей статьи — рассмотреть концепты «хлеб» и «лоза», которые сформировались на фундаменте русского и грузинского языков, принадлежащих различным языковым группам, но общему православному миру.

Выбор концепта «хлеб» / “*puri*” не случаен. В книжной и народной культуре, в повседневном быту и, соответственно, в постоянном словоупотреблении данное понятие не только несет в себе смысл важнейшего продукта питания, но и является одним из символов национального образа жизни и духовной традиции. Поэтому в русской и грузинской концептосферах оно относится к числу фундаментальных.

В Толковом словаре грузинского языка под редакцией А. Чикобава отмечаются следующие значения данного концепта: «1. Ежедневная пища человека, выпекается из теста, замешенного на пшеничной муке с водой и солью, может быть различной формы. 2. Однолетнее растение, весеннее и осеннее, из размолотых зерен которого готовится эта пища // Зерно этого растения» [7]. Таким образом, в грузинском языковом сознании актуализировано прежде всего представление о хлебе как о пище человека, которое включает в себя такие «созначения», как ‘пицца’, ‘выпечка’, ‘тесто’, ‘мука’, ‘вода’, ‘соль’, ‘форма’, ‘растение’, ‘зерно’. При этом словарная дефиниция отражает связь этого продукта питания с человеком, который выращивает зерно, производит из него муку, а затем хлебные изделия, различные по способу приготовления и по форме.

Словари русского языка также фиксируют реально-предметные значения: ‘культурные зерновые растения’, ‘скошенный, но необмолоченный хлеб’, ‘зерно’, ‘мука’ и ‘пищевой продукт из муки’ — и обобщенно-абстрактные значения: ‘пропитание’, ‘средства к существованию’, ‘пища духовная’ (*Не хлебом единым жив человек*) (см., например, словарь под ред. А.П. Евгеньевой [8]). Примечательно, что в долговременном русском мировосприятии *хлеб* приобрел антропоморфные свойства и сакральную коннотацию. В качестве иллюстрации сошлемся на следующие метафорические выражения: *хлеб-отец*, *хлеб-кормилец*, *хлеб — дар Божий* и на евангельский афоризм *Я есть хлеб жизни*.

Ценностно-смысловой потенциал анализируемого концепта раскрывают разнообразные словосочетания, фразеологизмы, пословицы и поговорки.

Так, грузинская народная этика отношения к хлебу нашла выражение в следующих словосочетаниях и образцах речевого поведения: *puri mware* / горький хлеб; *puri sxvisi* / чужой хлеб; *puri xmeli* / сухой хлеб; *puri carieli* / пустой хлеб; *puri arsobisa* / хлеб насыщенный; *pur-maril* / хлеб-соль; *puris saxelis daviwyeba* / забыть, как называется хлеб, т.е. не помнить самого главного; *puris fulis Shovna* / добывать деньги на хлеб; *pursa da wyalze yofna* / сидеть на хлебе и воде; *dzaglis dapureba visime jibrze* / кормить хлебом собаку кому-то назло; *Ra purs gachmevs?* / Как зарабатываешь на жизнь? Достаточно ли зарабатываешь?; *sadac puri naxo, iq dabinavdio* / где найдешь хлеб, там и живи; *adamians Tu puri da marili aqvs, SheuZlia “puroba” gamarTos, xolo Tu orive aklia, supra “koWlia”* / если у человека есть хлеб и соль, может устроить пир, а если нет ни того, ни другого, стол у него хромой; *puri gautexavT, dZmoba SheuficiaT* / хлеб преломили, в дружбе поклялись; *mTavaria keTili guli, Torem yveli da puri yvelgan moiZebnebao* / главное — доброе сердце, а хлеб и сыр везде найдутся; *kveli da puri — ketili guli* / сыр и хлеб да доброе сердце (говорится гостю в качестве извинения за скромное угощение).

В русском языковом пространстве ценностное отношение к хлебу нашло отражение в таких устойчивых словосочетаниях, как *хлеб насыщенный*; *легкий/тяжелый хлеб*; *хлебный край*; *хлебное место*; *зарабатывать на хлеб*; *перебиваться с хлеба на воду*; *посадить на хлеб и на воду*; *есть чужой/свой хлеб*; *не брезговать хлебом-солью* и др. Среди многочисленных паремий отметим те, в которых подчеркивается значимость хлеба как продукта питания и связанных с ним добрых взаимоотношений: *хлеб всему голова*; *худ обед, коли хлеба нет*; *без соли не вкусно, а без хлеба не сытно*; *покуда есть хлеб да вода, все не беда*; *хлеб в пути не тягость*; *была бы голова на плечах, а хлеб будет*; *где хлебно да тепло, там и жить добро*; *от хлеба-соли не отказываются*; *хлеб-соль*

кушай, а добрых людей слушай; без хлеба, без соли худая беседа; хлеб-соль ешь, а правду режь; хорош тот, кто кормит, а и тот не худ, кто хлеб-соль помнит и др.

Известный знаток народного быта, писатель-этнограф С.В. Максимов посвятил хлебу специальное сочинение «Куль хлеба», опубликованное в 1873 г.: «Хлебом и солью встречают и провожают русские люди всякого желанного заезжего гостя и подносят хлеб-соль дорогому, любимому человеку, которому желают доказать почтение и покорность» [9]. В настоящее время преподнесение хлеба-соли высокому гостю не сопровождается выражением покорности, но выступает в качестве высшего проявления гостеприимства. Однако во времена Ивана Грозного, по свидетельству А. Гваньини, «хлеб-соль» выставляли на столе перед домом при приближении крайней опасности. Так, в частности, поступили псковичи, чтобы умиротворить царя, и он пощадил обреченных на смерть горожан [10]. Известны также традиционное приветствие «Хлеб да соль!» всем, кто сидит за столом и ест, и предложение «хлеба-соли откушать», в которых нашло выражение представление о хлебосольстве, почитавшемся на Руси как высокая добродетель. Существуют и более ранние свидетельства отношения к «хлебу-соли» как залого гостеприимства и дружеского расположения [9. С. 5].

Особый концепт грузинской лингвокультуры — «хлеб судьбы». В разных уголках Грузии «хлеб судьбы» различался. На востоке страны это могли быть сладкие лепешки *назуки* с пряностями, на юге — хлеб *сомини* и *каду* и др. В Самцхе-Джавахети, на территории исторической Месхетии, «хлеб судьбы» готовят на Бедоба и по сей день. Считается, что он приносит семье счастье.

Несколько лет назад региональное издание «Самхретис карибче» подготовило сюжет, в котором показало, как готовят «хлеб судьбы» в наши дни.

По сути, «хлеб судьбы» — это тот же *сомини*, но его форма немного отличается. Как правило, хлеб накалывают вилкой или делают защипы по бокам. Это необходимо, чтобы отличить его от другой выпечки, ведь внутри «хлеба судьбы» спрятана монетка. Того, кому она попадет, в новом году ждет успех.

Помимо «хлеба судьбы», на Бедоба в Самцхе-Джавахети продолжают печь хлеб *басила* в форме человечка. Дело в том, что раньше Новый год в Грузии называли Днем Басили (Василия Великого), поскольку 1 января Православная Церковь празднует день этого святого. Пироги *басила* пекли во всех уголках Грузии. Обычно их клали на блюдо со сладостями. Особенно *басила* популярны у детей.

Таким образом, в грузинской и русской этнокультурных традициях концепт «хлеб» / “*puri*” предстает как связанный с установкой на доброе застолье и достижение взаимности. В этом контексте примечательны размышления признанного специалиста по менталитету народов мира Г.Д. Гачева. Описывая грузинское застолье, исследователь видит в нем продолжение традиции платоновского «пира-симпозиума», когда «пробивается материя к духу», и отмечает торжество «гиперболического восхищения», в котором подчеркивается все лучшее в каждом из сидящих за одним столом. Для русского застолья, напротив, типична «тяга к покаянию» и исповеданию, нередко в надежде на одобрение, поддержку или утешение [11. С. 250–251].

Обращает на себя внимание и следующий факт. Общий для обеих культур формульный концепт “*pur-marili*” / «хлеб-соль» имеет существенное различие: в грузинском языковом сознании он неотделим от “*pur-gvino*” / «хлеб-вино». В этой связи примечательны следующие народные оценочные суждения: *ixvoba purisa da gvinisa* / изобилие хлеба и вина; *puri-Rvino uleveli* / нескончаемое хлеб-вино; *da iyo qarTlsa Shina puri da Gvino friadi* / и было в Картли хлеба и вина несметно; *gvinos gasmev da purs gaWmev* / пою вином и кормлю хлебом.

В качестве иллюстрации данной позиции сошлемся на клятву хлебом, солью и вином из широко известного сказания об Абесаломе и Этери, которое дошло до нас в записях второй половины XIX в.:

Клянусь хлебом и солью,
Вином от лозы,
Плугом и бороздой,
Проведенной быком,
Другого мужчину не хочу я... [12. С. 345].

Русский и грузинский языки являются языками православной культуры. Поэтому сформировавшиеся в этом лингвокультурном пространстве языковая, речеповеденческая, дискурсивная и концептуальная картины мира оценивают хлеб и вино как символы жизни в соприсутствии Всевышнего. Особую значимость для православных христиан имеет Таинство Святого Причастия (Евхаристия), восходящее к Тайной вечере, когда Христос претворил хлеб и вино в Тело и Кровь Свою: *Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов. Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего* (Мф. 26: 26–29; Лк. 22: 15–20). Общеизвестно и обращение к ученикам, когда Христос называет Себя виноградной лозой: *Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой виноградарь. <...> Я есмь лоза, а вы — ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15: 1–6). Поэтому в православном богослужении хлеб и вино являются неотъемлемой частью литургии, а виноградная лоза присутствует в оформлении храмов как символ Царства Божьего.

В этом контексте определенный интерес представляют следующие размышления протоиерея Андрея Ткачева, в которых речь идет об отношении к виноградной лозе русских и грузин:

В крестьянской (читай, христианской) стране хлеб прочно ассоциировался с Евхаристией, то есть был такой пищей, таким даром земли, который при известных условиях становился Пищей Бессмертия. <...> Будучи сыном невинодельческого народа, я подозреваю, что в любви грузин, армян, молдаван к виноградной лозе скрыта все та же любовь к Евхаристии. И нельзя без дрожи смотреть на черно-белые кадры старого фильма «Отец солдата». Старик-грузин отвешивает оплеуху молодому танкисту, поведшему танк на виноградник. <...> Ты — фашист. Парень в танке не фашист. Он — русский, но он не окапывал лозу, не ждал от нее плодов. Он не знает песен, которые нужно петь при сборе урожая. Он вряд ли знает красивые тосты и до сих пор пил только самогон (<http://otrok-ua.ru/sections>).

Не следует забывать и того факта, что в грузинской ментальности виноградная лоза неотделима от креста святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии (276–340). Согласно преданию, Нине, дочери полководца императора Максимиана, до 14 лет служившей при Гробе Господнем в Иерусалиме, явилась во сне Богородица и, благословив ее на проповедь христианского вероучения, вручила ей две виноградные лозы, сложенные крестом. В 315 г. Нина прибыла в Мцхет, где начала свои тайные проповеди, которые продолжались 35 лет и увенчались крещением грузинского царя Мириана и обращением целого народа. Крест святой Нины, сплетенный из виноградных лоз, хранится в Сионском кафедральном соборе в Тбилиси как великая национальная реликвия, связанная с духовным становлением грузинского народа [13. С. 222].

В целом в обеих лингвокультурах принятие православия преобразовало ценностно-смысловое содержание лексем «хлеб» и «лоза», привнеся в изначальную семантику экзистенциальное измерение. В этом отношении показательна евангельская притча о богаче, в которой нашла отражение утилитарная доминанта человеческой жизни: *У одного богатого человека был хороший урожай в поле. И он рассуждал сам с собою: «что мне делать? <...> сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое, и скажу душе моей: душа! Много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись». Но Бог сказал ему: «безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет* (Лк. 12: 16–21). Об укоренении нового отношения к хлебу как пище духовной свидетельствует поговорка *Не хлебом единым жив человек*, восходящая

к евангельскому афоризму *«Не хлебом единым жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа»* (Мф. 4: 4), которым утверждался новый смысло-жизненный ориентир и три модуса бытия: *вера, надежда, любовь; но любовь из них больше* (1 Кор. 13: 13).

Что касается концепта «виноградная лоза», то в русском лингвокультурном пространстве¹ он отмечен, наряду с сакральной коннотацией, принадлежностью к книжной и народной устно-поэтической традициям. В качестве иллюстрации ограничимся следующими цитатами:

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной,
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злчаной,
Отрада осени златой.
(А.С. Пушкин)

Ах ты сад, ты мой садочек,
Сад да зеленое винограде,
К чему ты рано, сад, расцветаешь,
Расцветавши, сад, засыхаешь,
Землю листьям, сад, устилаешь,
Не дождавши поры-времени.
(Севернорусская обрядовая песня)

Заключение

Общим для грузинской и русской лингвокультур является переживаемый религиозной традицией исторический период: «В настоящий момент мы оказались свидетелями длящегося завершения грандиозного, исторически беспрецедентного опыта Нового времени — построения культуры без религии» [14. С. 5]. Действительно, менялись мир и бытие носителей языка, но слова «хлеб» и «лоза» оставались той связующей нитью времен, которая по-прежнему соединяет различные поколения и народы, поскольку живы заложенные в них идеалы и ценностные представления о мире и бытии.

Литература

1. Кондаков И.В. Культурология: история культуры России. М.: Высшая школа, 2003. 616 с.
2. Кармин А.С. Культурология. СПб.: Лань, 2003. 928 с.
3. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2011. 350 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Везибицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: ЯСК, 2011. 568 с.
6. Харари Н.Ю. Sapiens: краткая история человечества. М.: Синдбад, 2019. 512 с.
7. Толковый словарь грузинского языка: в 8 т. / под ред. А. Чикобава. Тбилиси, 1950–1964.
8. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1984. 794 с.
9. Максимов С.В. Куль хлеба: рассказы и очерки. Л.: Лениздат, 1987. 655 с.
10. Гваньини А. Описание Московии. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. 182 с.
11. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм: Эксмо, 2008. 544 с.
12. Грузинские народные сказки: сто сказок. Тбилиси: Мерани, 1971. 350 с.
13. Христианство: энциклопедический словарь: в 2 т. Т. 2 / под ред. С.С. Аверинцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. 671 с.
14. Доброхотов А.Л. Философия и христианство // Христианство и философия: VIII Рождественские образовательные чтения: сб. докладов. М., 2000.

References

1. Kondakov I.V. Kul'turologiia: istoriia kul'tury Rossii. Moscow: Vysshaya shkola, 2003. 616 s.
2. Karmin A.S. Kul'turologiia. St. Petersburg: Lan', 2003. 928 s.
3. Kornilov O.A. Iazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov. Moscow: KDU, 2011. 350 s.
4. Karasik V.I. Iazykovi krug: lichnost', kontsepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. 477 s.
5. Vezhbitskaya A. Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty. Moscow: IaSK, 2011. 568 s.
6. Kharari N.Yu. Sapiens: kratkaia istoriia chelovechestva. Moscow: Sindbad, 2019. 512 s.
7. Tolkovyi slovar' gruzinskogo iazyka: v 8 t. / pod red. A. Chikobava. Tbilisi, 1950–1964.
8. Slovar' russkogo iazyka: v 4 t. T. 4 / pod red. A.P. Evgenievoy. Moscow: Russkii iazyk, 1984. 794 s.
9. Maksimov S.V. Kul' khleba: rasskazy i ocherki. Leningrad: Lenizdat, 1987. 655 s.
10. Gvan'ini A. Opisanie Moskovii. Moscow: Greko-latinskii kabinet Yu.A. Shichalina, 1997. 182 s.
11. Gachev G.D. Mental'nosti narodov mira. Moscow: Algoritm: Eksmo, 2008. 544 s.
12. Gruzinskie narodnye skazki: sto skazok. Tbilisi: Merani, 1971. 350 s.
13. Khristianstvo: entsiklopedicheskii slovar': v 2 t. T. 2 / pod red. S.S. Averintseva. Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 1995. 671 s.
14. Dobrokhoto A.L. Filsofia i khristianstvo // Khristianstvo i filosofia: VIII Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniia: sb. докладов. Moscow, 2000.

¹ Виноградные гроздь и лозы традиционно присутствуют на гербах городов и на знаках отличия. Самая древняя из медалей (с надписью «Тако созревают») была учреждена Екатериной II для награждения выпускниц Смольного института.

Синячкин Владимир Павлович,
доктор филологических наук, доцент, заведующий
кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов

Sinyachkin Vladimir P.,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Russian Language and Intercultural
Communication Department
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

SPIN: 8057-9562, AuthorID: 436181
e-mail: word@list.ru

Владимирова Татьяна Евгеньевна,
доктор филологических наук, профессор, преподаватель
кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов

Vladimirova Tatyana E.,
Doctor of Philology, Professor,
Lecturer of the Russian Language and
Intercultural Communication Department
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

SPIN: 2859-4934, AuthorID: 543796
e-mail: yusvlad@rambler.ru

Хатишвили Хатиа Александровна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры славистики
Тбилисский государственный университет
им. Ивана Джавахишвили (Грузия)

Khatishvili Khatia A.,
Doctor of Philology, Professor of the Slavic Studies Department
Tbilisi State University named after Ivane Javakhishvili (Georgia)

e-mail: khatia.khatishvili@tsu.ge

